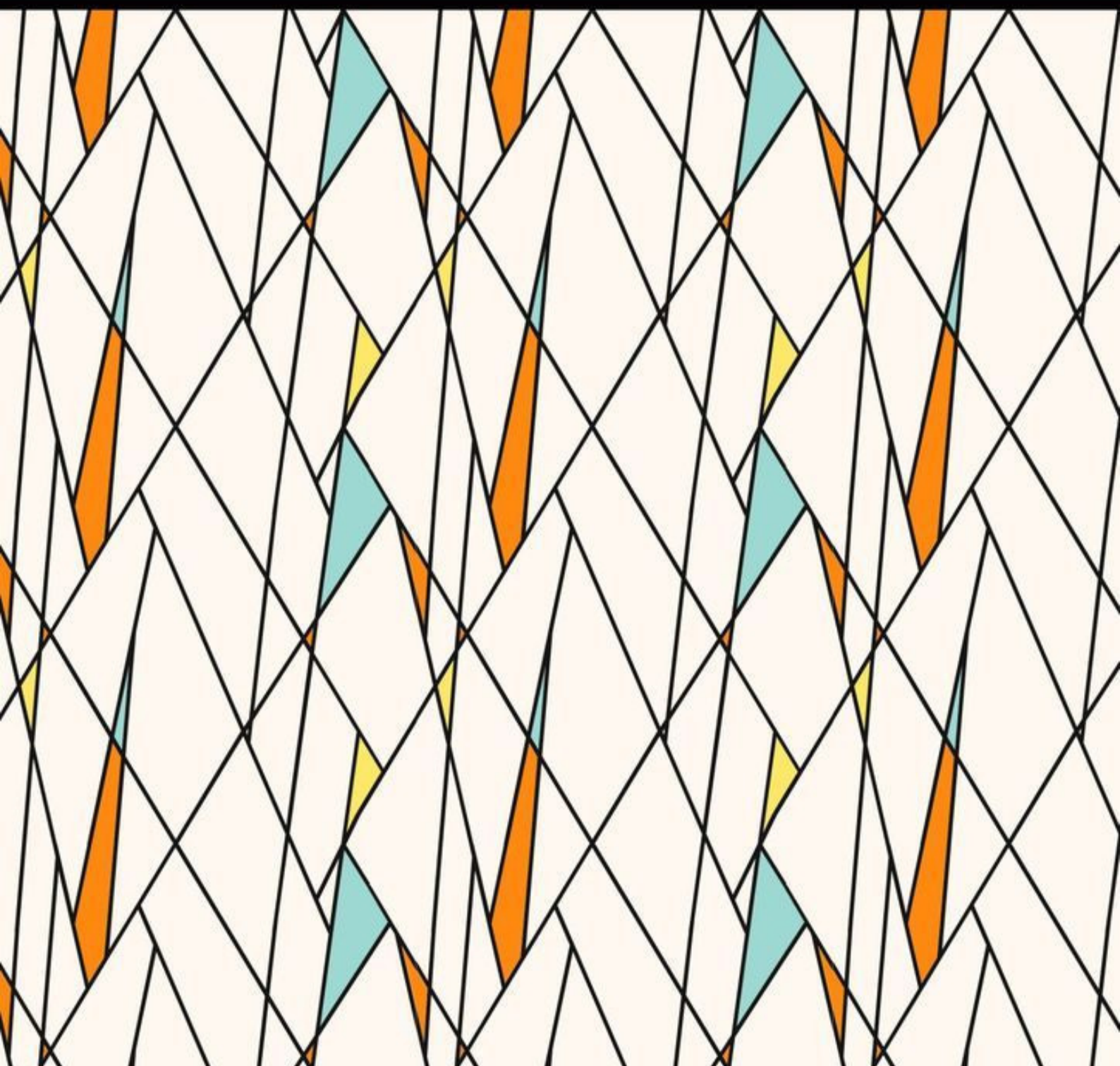

18+

ДИМА БОСЯЧЕНКО

Две повести о страхе и любви

Дима Босяченко

Две повести о страхе и любви

«Издательские решения»

Босяченко Д.

Две повести о страхе и любви / Д. Босяченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988449-7

Известный следователь при мистических обстоятельствах узнает, что его маленького сына скоро могут убить. Но главное, ему сообщают — кто, возможно, станет убийцей. Герой, терзаемый сомнениями, решает все же разыскать этого человека. Герой узнает о смерти матери, с которой у него были непростые отношения. Он не решается ехать на похороны, но выбирает иной путь, чтобы навсегда с ней проститься и, быть может, наконец, понять. Об этом и не только — «Две повести о страхе и любви». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-988449-7

© Босяченко Д.
© Издательские решения

Содержание

ДВЕ ПОВЕСТИ О СТРАХЕ И ЛЮБВИ	6
СОМНЕНИЕ	7
1	7
2	9
3	11
4	14
5	16
6	21
7	22
8	24
9	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Две повести о страхе и любви

Дима Босяченко

© Дима Босяченко, 2020

ISBN 978-5-4498-8449-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДВЕ ПОВЕСТИ О СТРАХЕ И ЛЮБВИ

СОМНЕНИЕ

1

При каждом потуге её живот раздувается до отвратительных размеров. Он смотрит на него и боится. Вот-вот, думает он, эти уродливые растяжки станут трещинами, а трещины зазияют кровавыми ранами, из которых покажется густая краска крови и поползет по ее натянутым бокам. Но этого не происходит. Кожа выдерживает все.

Пахнет родами. Сырым мясом. Живыми внутренностями. Потом. Она хрипит и скулит сквозь зубы, но спасительная муть и глушь вокруг, как в контузии, заглушает для него этот непереносимый аккомпанемент. Она уже и не человек вовсе. Он не человек тоже, пока способен спокойно наблюдать происходящее. Он хочет выйти. Но не может пошевелиться. Он хочет закричать. Но не способен выдавить и звука из разинутого рта. Ему нужно быть здесь.

Его узкий взгляд вдруг расширяется, становится панорамным. Он замечает, что в палате есть еще люди – человечки в белых халатах. Их слишком много. Они кривенькие и суетливые. По-дурачки быстро, как в ускоренном режиме прокрутки киноплёнки, они бегают вокруг неё, обступают, тычут в тело приборами, щиплют за кожу, ведут себя, как дикарские детишки при встрече с белым человеком. Заглядывают внутрь. Она ревет вепрем. Он закрывает руками уши, но продолжает смотреть.

– Его нет! – орут врачи хором, – Ребёнка нет!

Все стихают на секунду. Чтобы она заорала с новой силой:

– Лёня, он в тебе! Он теперь в тебе!

Человечки синхронно оборачиваются и впериваются в него, как обезьяны. Лиц не видно – одни чёрные глаза и хирургические маски. Он смотрит вниз – его живот округляется и растёт на глазах. Ещё пару секунд и он не видит свой пах, ноги. Внутри него начинает что-то толкаться. Из бока под ребром выползает детская пятка. Его колотят под ребро изнутри. Что-то новое. Замутнённость пространства проясняется, когда ей надо бы затопить все вокруг.

– Рожай! – кричит она, – Лёня, рожай, иначе он задохнется в тебе! Он умрёт в тебе, слышишь!?

«Как рожать-то, дура?» – думает он про себя, но ничего не произносит. Но здесь и сейчас говорить не обязательно. Она читает его мысли, но заливаясь слезами, задыхается и лишь указывает глазами на скальпель, который, конечно же, оказывается у него под рукой. И уже в руке против его воли.

– Режь! – он слышит ее мысли.

– Реееежь! – наконец, набравшись последних сил, вырывает она из своей глотки вопль, и вены на её шее надуваются жирными червяками.

Он послушно не выбрасывает скальпель, сжимает его только крепче.

Секунда задержки – он просто не знает, где лучше полоснуть, чтобы не поранить внутри младенца. Тело раздулось и стало будто бы не его, потому и кромсать его не страшно и не жалко.

Он выдыхает и, как стеклорезом, от солнечного сплетения до паха – одним резким ровным движением сверху вниз. Скальпель хорош. Сначала вываливаются кишки. Он пытается их подхватить руками, собирает в охапку.

Но ребёнок не пробился через плаценту – кожи нет, живот развернут, но есть еще одна молочная, полупрозрачная плёнка – и младенец бьётся в неё. Он, боясь поранить ребёнка, роняет скальпель и рвёт плаценту руками. Протыкает её пальцами, как полиэтиленовый пакет

и тянет в разные стороны. Новорожденный вываливается из него на пол – мокро, склизко, с мерзким шлепком, как мокрый снег.

Он не успевает поймать его одной свободной рукой, в другой же – кишки.

– Ты уронил его! Ты убил его, сволочь, убил! Как ты мог?! – она снова вопит. Но ребенок ещё дышит и нервно дёргается.

Он выпускает кишки из рук и вместе с ними обессиленно падает на колени. Его внутренности основательно вываливаются на пол. На ребенка. В них он разгребает его, находит заново, берёт на руки и смотрит на неё. Малыш начинает кричать. Наконец, она улыбается, и заваливается тут же устало навзничь словно только что она его родила. Врачи аплодируют и ликуют.

Он переводит взгляд на ребенка. Это мальчик. Сын. Младенец вдруг замолкает. Дышит спокойно и даже будто бы намеренно сдержанно. У мальчика слишком взрослый осознанный взгляд, словно сообщающий что-то. Леденящее душу выражение глубокой мудрости. Он хочет отбросить сына в сторону и уйти прочь, волоча за собой свой кровавый ливер, но не может этого сделать – его руки вросли в ребенка, в его спину. Нет, у них срослась не просто кожа, не эпидермис – он напросто не видит своих кистей, они в младенце, внутри, как часть его, будто ребенок – это продолжение рук отца. И они продолжают срачиваться. От ужаса у него случается приступ удушья.словно из палаты мигом выкачали весь кислород.

Она же тихо стонет с родильного стола, закатив глаза. Сначала это походит на подлинное страдание, потом на притворство, после на оргазм. Сквозь, вздохи она начинает бормотать:

– Кажется, началось... Лёня, кажется, началось. Началось, Лёня!

И тут наконец он проснулся. Впервые в жизни не различив, что пугает его больше – кошмар или реальность. Заглотнул воздуха, будто вынырнул со дна.

– Лёня, кажется, началось! Лёня! Да, проснись же ты, твою мать!

Его жена сидела у него на груди, отчего было трудно дышать. Она трясла и колотила его.

– Господи, Лёня, проснись! Что делать-то? Началось!

Леонид открыл глаза. Рядом с ним – говорящее обо всем пятно на белье. Отошли воды. Алина сползла с него на кровать и сидит на коленях. Она переводит полудикий взгляд со своего живота на лужу под собой, потом на мужа и снова на живот. Зажимает подолом ночной рубашки промежность. Зажимает рот ладонью чтобы не заплакать. Но все равно плачет – просто беззвучно. Слез сразу много, как плеснули ушатом. Странное дело, но она не понимает, отчего они льются. Ей дьявольски страшно. И она на грани обморока от иступленной радости. Она хочет бежать вникуда, как при мыслях о неминуемости смерти. И она замерла, как опоссум, не желая растерять и капли от сумрачного экстаза, какой случается при вести о смерти другого. Вместо тебя.

Да, тогда и вправду все началось.

2

Леонид мигом вскочил с постели, включил свет, оделся, взглянул на часы, чтобы рассчитать время в пути до роддома, учитывая развод мостов. Бодрый, сильный, всем видом он пытался сказать ей – «Не волнуйся, со мной можно всё: рожать, умирать, убивать – я готов». Он моделировал эту ситуацию множество раз, силясь понять, каким он должен быть, как нужно себя вести, чтобы не стать обузой, но хотя бы немного помочь в редкой ситуации, когда от него зависело так мало. Отсутствие контроля его угнетало, как ничто иное. В итоге, он пришел к выводу, что необходимо, по крайней мере, поставить на тотальный контроль себя, свои эмоции. Он много раз представлял, как вести себя и сейчас действовал согласно плану – он должен не просто излучать привычную уверенность в себе, расчет и полное владение обстоятельствами, он обязан перестать быть человеком, превратиться в машину, не борющуюся с обстоятельствами, но продуцирующую их. Оказалось – для него это не сложно.

Её же трясло. Нужно было остановить эти невыносимые вибрации тела, пока они не захватили и душу. Он отвёл её в душ. Включил еле тёплую воду и крепко схватил её за бедро. Потом талию, руку, сжав кожу до синяка.

– Успокойся! Просто дыши. Дыши и ни о чем не думай. Я рядом. Все будет хорошо. Верь мне!

И её отпустило. Дрожь ушла. Она поверила. Она всегда верила ему, когда он так просил об этом.

От резкого расслабления по ногам с новой силой потекли околоплодные воды.

Сумка была собрана. Оставалось только одеться самим. Май был холодным. А в ночи становился ещё холоднее.

– Я отвезу.

– Нет, давай на скорой.

– Самим быстрее будет – зачем терять время? Сама знаешь, какие у нас скорые...

– На скорой. Так безопаснее.

– Алина...

– Лёня, хватит, прошу тебя! Я знаю, ты можешь, но мне так спокойнее – у них опыт, оборудование в машине есть, уколы там, если понадобится. Мне давно не двадцать пять, и ты прекрасно знаешь, как протекала у меня беременность.

– Я понял. Извини.

Алина проверяла родильную сумку – всё ли на месте. Леонид воспользовался минутой, забежал в ванную комнату, достал, припрятанный там ингалятор и припал к нему, как алкоголик к бутылке. Вдохнул прохладного аэрозоля раз, другой. И третий. И ещё раз. Задышал.

– Лёня, ты скоро?

Скорая приехала быстро. Алина даже успела шутливо закатить глаза, пожурив Лёню за его ворчания на этот счет.

Врачи заботливо утрамбовали Леонида с Алиной в кузов, дали плед.

– Куда едем, в ближайший?

– Нет, – Леонид сунул врачу бумажку договора с роддомом.

– Туда можем не успеть, почти два часа ночи – мосты скоро разведут и что делать будем?

– Нужно туда, – отрезал Леонид.

Врач посмотрел на Алину.

– Понимаете, там детская реанимация есть хорошая. Лучше именно в этот роддом, – улыбка не сходила с лица Алины, несмотря на схватки.

– Ну, хорошо, попробуем. Но рискуем.

Завелись.

Двигались аккуратно.

Алина периодически постанывала, держась за живот. Леонид охватил её руками за плечи. Он кусал губы. То и дело смотрел на часы. По его ощущениям – водитель ехал слишком медленно, хотя ночная дорога была пуста, ловил каждый красный свет. На очередном светофоре Леонид не выдержал. Он живо подсел ближе к кабине, так что ни врач, ни Алина не успели его становить, и заговорил водителю почти в ухо.

– Друг, мы же на скорой, дороги пустые – врубай мигалки и погнажи уже!

– Ты мне не начальник! Вернись на место, а то высажу обоих!

Леонид сжал скулы, залез в боковой карман кожаной куртки. Достал удостоверение. Жёстко сунул красную корочку в нос водителю, почти ударив.

– Теперь начальник! Быстро врубил сирену и чтоб без остановок, на спидометре девяносто минимум! Все понятно?

Предписания были исполнены.

– Терпеть не могу, когда ты так делаешь! – шепнула Алина мужу.

– Я сам, но сейчас тот случай, когда меня можно простить.

Оба улыбнулись. Леонид ещё крепче обнял Алину, согревая и успокаивая её теплом своей ледяной безмятежности, силой объятий.

Леонид кивнул на живот.

– Может всё-таки кесарево?

– Нет. Я должна сама.

– Я могу повлиять на твоё решение?

– Нет.

– Алина, он переносенный, двойное обвитие.

– Я в курсе. Врачебных показаний нет. Ты просто хочешь перестраховаться.

– Естественно хочу! Тебе сорок лет, ты знаешь сколько...

– Да, я получше твоего знаю статистику поздних родов! Даже не представляешь сколько всего я уже перечитала на эту тему.

– И что?

– Я должна сама. Мне важно.

– И как это называется?

– Я не знаю. Давай, ты мне скажи?

– Эгоизм. Слепой, неподвластный уму эгоизм.

Алина отсела.

– Я рискую собственной жизнью ради того, чтобы он появился на свет. Ради того, чтобы ты, наконец, стал отцом, а мы настоящей семьей! И ты называешь меня эгоисткой?

– Хорошо. Тогда поправь меня. Просто я пытаюсь и не могу понять твои мотивы.

– Господи, Лёня, ты можешь хоть раз в жизни, хотя бы на минуту перестать быть следователем!? Перестать работать? Мотивы, алиби, вердикт... Нет их, нет! Просто я так чувствую, мне всего лишь это необходимо, я верю, что так будет лучше! Для нас обоих, – Алина погладила живот, – Такая мотивация тебе понятна? Сомневаюсь.

Оставшийся путь провели в молчании, успев переехать мосты.

3

Когда пришло время он вымыл трижды руки – водой, мылом, спиртовым раствором. Старательно надел полученные халат, маску, шапочку и вошёл в палату.

Алина ходила туда-сюда и выраженно дышала. Она вся обратилась в дыхание, не сразу его заметив. Но скоро подняла мокрую голову – все лицо мокрое, черты растеклись по овалу. Она измученно улыбнулась и была во всём своём страдании и размякшести отчего-то особенно хороша.

Акушерка не дала им обняться.

– Ощущается давление на прямую кишку?

– Да. Очень сильное...

– Хорошо, значит головка малыша уже опустилась в таз, скоро будем рожать. Муж, помогите ей лечь! – акушерка ушла за врачом.

– Как ты?

– Не знаю. Так, как никогда ещё не было.

– Страшно?

– Очень.

– Не волнуйся, я буду рядом.

– Уверен?

Врач был стремителен, с подвижной мимикой. И еще он был крупным молодым мужчиной. Не церемонясь, он тут же проверил раскрытие.

– Раскрытие полное. Во время схватки есть желание потужиться?

– Да.

– Хорошо. Тогда начинаем. Так давайте быстренько КТГ сделаем.

Медсестры стали подключать аппарат.

– Ну что, муж, у вас последний шанс. Решайте сейчас – остаетесь или ждёте за дверью? – лукаво спросил доктор.

– Остаюсь.

– Принято. Становимся у изголовья кушетки, никаких лишних движений и передвижений – по палате не ходим! Куда не надо не заглядываем, желательно оставаться на одном месте. Держать за руку можно, ласковые слова тоже нужны, но не часто и тихо, шёпотом на ушко, потому что мы с роженицей начнем сейчас активно общаться. Всё ясно?

Леонид нехотя кивнул. Он давно отвык от такой манеры общения с ним. Однако все исполнил. Врач посмотрел на монитор, который выводил узоры биения сердца ещё не родившегося человека и выразительно нахмурился – вероятно иначе не мог.

А после начался туман. Туман из слов, звуков, шумной пульсации в ушах, торопливости, которую так не любил Леонид, тревог, домыслов. Где, чьи были голоса, он уже не различал, и происходящее кружилось единым ворохом событий, густо и беспорядочно замешанных в пространстве и времени, так что первое утратило очертания, а второе прекратило свое привычное течение. Наблюдаемое все более стало походить на сон, на тот самый сон и от этого Леониду стало невыносимо жутко. Он схватился за сердце, но не от боли – там в боковом кармане куртки или пиджака его всегда ждал маленький потайной ингалятор, но куртка висела на вешалке в комнатке перед родильной палатой. Леонид снова ощутил, как чья-то рука не просто смертельно схватила за горло, но влезла в рот и дальше в глотку, пищевод и, разворошив органы, добралась до самых легких, которые начала сдавливать, спускать, как надувной матрас, изгоняя оттуда последние глотки кислорода.

К Леониду подошла акушерка.

– Вам лучше уйти. Ситуация немного штатная. Но все нормально, не беспокойтесь, просто вам ни к чему.

Леонид попытался сопротивляться.

– Пожалуйста, не усложняйте.

Ушёл.

Но туман месива бытия пробрался и за дверь:

что у нас на мониторе признаки нехорошие частота плода сердечных сокращений как можно не нужно волнуйтесь извлечь быстрее, где головка тужься малыша на счет не волнуемся препарат сейчас через катетер матка сильнее сокращалась показался затылок кесарить...

– Нет! Не надо кесарить, умоляю! – этот голос он узнал и встрепенулся, но потом снова крошево звуков заволокло его сознание. Однако крик породил импульс. Леонид ворвался в родильную спасать жену. Вошёл в этот ад слов, мешанину движений, как в некую желейную субстанцию, заполнившую собой все помещение, сковывающую движения и внутренние порывы. Тут же потерял все силы.

рассечение головка двумя петлями пуповины шея вера снимай быстро! гипоксия почему он где узел не кричит рассечение вера

Мельком, секундой, краем глаз, но он увидел, что из неё торчит головка его сына. Чёрные мокрые волосы, прилипшая кровь, фиолетовое личико. Только голова и шея, обвитая сероголубоватой перекрученной пуповиной, словно гигантским ленточным червем, пытающимся удушить полуродившиеся дитя. Акушерка была тут как тут.

– Да чтоб вас! – крепкая малорослая женщина, меньше Леонида на голову, не стала ругаться, она просто оттолкнула его 80 килограммов и 182 сантиметра роста с такой силой, что он чуть не вылетел из двери!

– Ещё раз зайдёшь, вызову охрану! – крикнула, закрывая дверь и намеренно громко щёлкая замком.

Вдох, ещё вдох, ещё.

Ингалятор пуст.

Безысходный кошмар. Проснуться бы, проснуться!

Как назло – телефонные вибрации в кармане джинс. И уже по вибрациям он знает – с работы. А там ничего хорошего.

На белой стене родильной – грязные трещины. На поддоннике внизу у стекла чёрная влажная плесень.

За окном – утренняя хмарь, холодная морось. Небо цвета только что виденной пуповины.

Куда бы ещё деть взор, чтобы просто смотреть и не думать?

Затылок в холоде, хотя откуда бы тут взяться сквозняку?

Смерть, боль, тоска, паника, кислый запах, вкус палёной водки во рту... Передышка.

Обида, нестерпимая тревога и тут же скука – сколько прошло времени, минута, две, час?

Время ускорилося настолько, что остановилось! И наоборот.

Ложь, все ложь, обман!

Что дальше? Крошечный гроб, злоба, неношеные детские вещи, пустые коробки, развод, страх, одиночество.

И наконец детский плач.

Следом женский лепет.

Живой.

Живая!

4

Вытащил трубку со злостью, как занозу. Звонит без остановки. Как и думал – работа. Напарник. Значит, снова случилось дерьмо.

– Алло!

– Лёня, до тебя не дозвониться! Ты где?

– Где я могу быть в семь утра? В роддоме я, конечно, в роддоме. Ты как всегда вовремя, Рома!

– Что? Вот блять... То есть поздравляю! Всё хорошо, тебя же можно уже поздравлять?

– Не знаю ещё...

Дверь отворилась. Это был врач. Высокий, сильный, кулаки сжаты. Они стали друг напротив друга.

– Я не стану вас отчитывать и вызывать охрану, хотя следовало бы. Ещё могу вам запретить посещение жены, но не хочется потом решать проблемы с вашими коллегами вместо того, чтобы принимать роды. Я уже наслышан, что вы не стесняетесь тыкать в лицо чужим людям своим удостоверением. Надеюсь, у вас есть немного совести, и она вас помучит. С ребёнком всё нормально. С мамой тоже. Из-за сильного обвития была угроза гипоксии, но всё обошлось – как раз в тот момент, когда вы вошли, не дожидаясь рождения всего тела ребенка, мы сняли петли пуповины. Сейчас их увезут в палату. Реанимация не потребуется. Через 3—5 дней, если всё нормально, отправим домой. Посещать можно с завтрашнего дня. А сейчас мне бы очень хотелось, чтобы вы ушли отсюда!

Леонид желал его ударить и обнять одновременно, может даже извиниться. Не сделал ничего. Выдавил только благодарность.

– Спасибо.

Врач презрительно промолчал.

– Можно увидеть сына?

– Сегодня нет.

Дверь снова заперта. Леонид вернулся к трубке.

– Ты всё слышал?

– Да.

– Вот ответ на твой вопрос. Зачем звонил?

– Да ничего, не в тему это уже сейчас будет. Бля, что ж за пиздец такой – я не думал, что такое бывает и всё ж в один момент, как назло!

– Рома, говори уже, а!?

– Кинжальщик.

– Что Кинжальщик?

– Вернулся. Мальчик, десять лет. В ста метрах от дома. По пути в школу. Шёл сегодня по тропинке через соседний двор. Утро, светло вовсю. Всё как всегда – один точный удар в сердце. Смерть была моментальной. Тело просто оттащили с тропинки в соседний куст сирени. Мы уже с оперативниками на месте. Я писал тебе сначала, но ты ничего не отвечал. Вот позвонить решил. Извини, Лёня, я понимаю, как это не вовремя.

– Не извиняйся. Ты что ли в этом виноват. Куда ехать?

– Лёнь, может ни к чему, у тебя сейчас вон радость какая!

– Мне тут уже делать нечего.

– Здесь ты тоже уже никому не поможешь...

– Рома, хорош! Ты прекрасно знаешь, что я должен. Может нароет что-то новое.

– Хорошо. Сброшу адрес в ватс ап.

- Рома, и постарайся, пожалуйста, никого не пускать, как в прошлый раз, чтобы не наследили. Даже родителей! Они уже там, кстати?
- Нет. Ждем. Сейчас начнется. Лёня, ты уверен?
- Да иди в жопу Рома! Достал уже.

5

Худенький мальчик с серым лицом лежал навзничь под кустом сирени. Глаза открыты в самое небо, круглый рот – тоже, будто он чему-то удивился, но так и не успел это выказать; руки раскинуты в стороны. Ноги же были поджаты, словно у него разболелся живот, и заботливо уложены на бок. Из-за пухлого рюкзака под спиной, набитого отныне бесполезными учебниками, затылок ребенка был сильно запрокинут назад. В этой открытой позе была своя грация, словно ему всего лишь стало плохо в танце, и даже некоторая теплота на фоне всеобщей вокруг промерзлости. Ещё не пришла окоченелость, не изменилось до неузнаваемости лицо, не явился труп – тело будто просто отдыhalo. Безвольные ладони утопи в грязи – земля возле сиреневого куста размылась и развязла, точно уже готовясь принять в себя умершего. Морось разошлась в дождь средней силы. Красноватые почки сирени так и не распустились, схваченные морозом.

«Как красиво лежит» – подумалось Леониду и стало ему от себя противно, но мысли продолжали течь, подавляя волю – пусть и не всегда оформленные в слова, звучащие в голове, а в виде полу ощущений, потока из обрывков образов. Так следом Леонид подметил и вновь стал отвратен себе, что это картина ему приятнее и ближе, чем то, что он видел сегодня с утра, ворвавшись в родильную.

«До чего ты дошел – тебе смерть уже ближе рождения!» – голова наполнилась лишним, нужно было срочно занять делом мозг и тело.

– Ну что, у нас, как всегда, никто ничего не видел и свидетелей нет? – спросил Леонид у напарника.

– Как всегда.

– Смерть наступила от колото-резаной раны, ударом прямо в сердце, скорее всего тонким ножом или кинжалом, может отверткой, примерно три часа назад, была почти мгновенной, – докладывал судмедэксперт, стягивая перчатки.

– Знаю, знаю, – отмахнулся Леонид, – Я это уже как отче наш заучил.

Леонид обернулся. Осмотрел двор, дома, крутанулся вокруг себя несколько раз. Обратил внимание на припаркованные невдалеке автомобили.

– Там вон тачки стоят – нельзя, чтоб они уехали. Нужно проверить, есть ли в них видеорегистраторы.

– Понял, – ответил Рома и подозвал нескольких оперативников.

– Всё отфоткали уже?

– Всё.

– Эксперты были, надеюсь? Раньше он к жертвам не прикасался, а тут зачем-то оттащил в кусты – есть вероятность его частички найдём, а там чем чёрт не шутит, может и по базе пробьём. Это шанс.

– Если, конечно, его не кто-то другой оттащил, – вставил Рома.

Леонид посмотрел ещё раз на унылую хрущёвку перед собой с обрызганными незастеклёнными балконами, забитыми всяким хламом.

– Рома, а тепловизор с тобой?

– Конечно, а что?

– Может кто-то мог ещё установить видеорегистратор на балконе, чтобы следить за своей машиной. Тепловизором проверьте.

– Ок!

– Ну, пойдём туда теперь...

Леонид и Рома подошли ближе к телу. Леонид пристально осмотрел жертву, огороженный участок вокруг. Увидел следы от ботинок.

- Следы, – констатировал Рома, – По ходу те же.
- Вижу. Всё тот же сорок четвертый размер какого-то здоровяка. И что нам с этого?
- Кинолога вызываем?
- Давай, на всякий случай, но толку не будет, как всегда.

В это время оперативники быстро сбегали к машинам и вернулись обратно.

- Видеорегистраторов не обнаружено! – отрапортовали они.

Леонид посмотрел на Рому.

- Пойду перепроверю!
- Боже, Лёня, как можно так не доверять людям?

Регистраторов и вправду нигде не оказалось.

- Да, ничего нет. Зато вот сюда посмотри! – Леонид указал на те же грязные следы у машин.

- Такие же.

– Ага. Наш Кинжальщик не дурак – тоже проверил машины, хорошо изучил местность. Был здесь заранее, как в засаде. Более того, он знал, когда примерно здесь будет проходить мальчик, следил за ним, изучил маршрут, расписание...

- Скрупулёзный, сука!
- Осторожный и расчетливый.

– Не пойму одного, почему его никогда никто не видит? Где все люди-то, блять? Начало рабочего дня, светло, дома вокруг, один, блин куст на всю округу, тропинка, и сука ни хера больше вокруг! Обзор идеальный, укрыться-то негде и ни одна падла в этом время тут не проходила, в окошко не высунулась покурить!

Леонид задумался.

– Ну, дом-то один только, из которого реально что-то увидеть можно, остальные под неудобным углом и далековато уже. И смотри – дом и вправду очень удачно стоит, так удачно, что из него всё хорошо видно, но и в нём самом всё отлично просматривается. Вон блин не то, что холодильники видны, а с хорошим зрением можно и магниты на них расслеповать.

- И что?

– А то, что наш Кинжальщик не только машины проверил, но и за окнами следил. Скорее всего из-за тех гаражей, – Леонид показал рукой на три одиноко и нелепо стоящих гаража у полянки перед домом.

– Я вот, что думаю, Рома, – продолжил Леонид, – Кинжальщик никуда не спешит, он мог выжидать идеального момента неделями, а может и месяцами. Он крайне методичен и терпелив.

– Ты хочешь сказать, он приходил сюда каждое утро, проверял тачки, двор, чтоб никого не было и ждал, когда пойдёт мальчик и в тоже время, чтобы вокруг не было ни души и даже чтоб в окошках никто не мельтешил?

- Именно.

- Ну, это ж вечность можно ждать, чтоб всё совпало!

Они направились обратно к телу. Зевак всё прибавлялось.

– В том-то и дело, что чувак натренирован. Ему нужно-то всего десять секунд совпадения обстоятельств. Каждый раз – всего один удар, точно в сердце, почти в одно и то же место в груди. Ни одной промашки. Он профи. Не знаю, сколько у него ушло на тренировку. Полагаю, дети даже не успевают подумать, что происходит – он просто идёт навстречу как бы им, потом достает кинжал и как бы походя делает укол. После быстро оттаскивает тело в сторону и идёт дальше. Всё.

- Да, звучит просто, но на деле. Это ж годы тренировок.
- Рома, он вообще-то десять лет уже тренируется... у нас под носом.
- Одно убийство в год – периодичность так себе.

– Ладно, давай ещё раз проверим всех фехтовальщиков, саблистов, кто там ещё у нас обращается с подобным холодным оружием?

– Лёня, проверяли сто раз уже!

– Может, новые клубы появились, кружки, сообщества в социальных сетях? Ты прав, он должен где-то тренироваться, чтобы всего лишь раз в год его рука работала, как автомат! Без постоянной практики есть большой риск, что с одного удара убить не получится, а у него всегда получалось. Все десять раз.

– Уже одиннадцать.

Леонид, не моргая заглянул в пустоту.

– Уже одиннадцать...

Вздروгнули от женского вопля. Мать.

К телу её не пустили. Да она и недолго сражалась за это. Оперлась о плечо одного из полицейских, схватилась за живот и начала всем телом шумно дышать. Её била дрожь, проступила испарина.

– Скорую! – крикнул кто-то из сотрудников.

Леонид с Ромой подошли к ней вплотную. Леонид тоже взял её под руку. Так опиралась на него сегодня жена. И дышала также и была болезненно переломлена, скрючена.

– Я... – Леонид хотел сказать дежурное «соблезную», но остановился. Пустое, бесполезное слово, – Я не знаю, что сказать. Но я знаю, что хочу поймать и наказать эту мразь, как можно скорее, потому...

– Лёня, не сейчас, – Рома схватил Лёню за плечо, но тот рывком сбросил руку.

– Расскажите, может в последние дни вы замечали что-то странное? В поведении ребёнка, например? Может, он рассказывал о каком-то новом знакомом, стал задерживаться после школы или ещё что?

– Лёня, прекрати! – прорычал шёпотом сквозь зубы Рома.

– Нет, нет, нет, ничего, – мать мальчика закрыла глаза и присела на корточки.

– Может, какие-то звонки странные?

– Нет.

– Может, что-то случилось, не связанное с ребёнком?

– Твою мать, Лёня! – Рома отошёл в сторону и закурил.

– Не знаю, не помню...

– Простите меня, но чем быстрее мы узнаем что-то новое, тем скорее сможем что-то предпринять, сможем действовать по горячим следам.

Женщина замолчала и тихо заплакала в ладони.

– Да мне теперь всё равно, – заговорила она сквозь плач, – Какая разница? Разве мой Сашенька встанет от этого и обнимет меня, а? Скажет мне – мамочка, я люблю тебя? Вы даже не представляете, какой он нежный был мальчик...

– Лёня, я тебя шокером ёбну, клянусь, если ты сейчас же не оставишь её в покое! – рявкнул Рома, выдыхая табачный дым в лицо Лёне, и в его правой руке реально был электрошокер.

К женщине подошли врачи скорой. Леонид отступил.

– Ты что, блять, творишь?

– Что я творю? Да, она права – её сын уже не поднимется, никогда не скажет ни слова, как и десять детей до него, но других ещё можно спасти! Сколько ещё эта сука будет ходить по улицам? Поэтому я не хочу больше терять ни секунды! Я хочу, как можно скорее хотя бы выйти на его след. Мы и так просрали десять лет! Чем мы вообще занимались всё это время, а?

– Раскрыли два десятка дел, осудили столько же тварей и спасли хер знает сколько жизней, вообще-то!

– Да и всё это херня, по сравнению с 11 трупами детей, Рома! Семь пацанов, четыре девочки. Самому старшему двенадцать лет.

– Я всё это знаю, хорош это всё время повторять. Ты чего добиваешься, хочешь вызвать у меня чувство вины? Не выйдет. Не я их убил. Или что – хочешь сказать, что я мог спасти кого-то из них, ты к этому клонишь? Но настолько херово работал, что этого не сделал, так?

– Нет, я не об этом.

– Еще бы об этом! Ты сам знаешь, что мы и днём и ночью пашем, я дома сутками не бываю, мои домашние уже забывать стали, как выгляжу! Но что, что теперь поделывать-то, если эта сука умней или ему просто тупо везёт?! Смирись, такое бывает, даже у самых крутых спецов есть всяки и хуже того есть дела, которые никогда никто не раскроет!

– У меня такого не будет.

– Ах, вот в чём дело.

– Не понял?

– Всё ты понял! Грёбаное себялюбие или честолюбие, вот в чём дело.

– Что? Рома, я тебе рожу сейчас разобью!

– Давай! Я всегда говорил тебе, что думаю и сейчас от слов отказываться своих не буду. Ты просто не слышишь сам себя, а я вот всё подмечаю. Тебя бесит твой единственный за карьеру висяк, тебя бесит, что ты до сих пор майор из-за этого дела, когда тебе давно пора быть подполковником, тебя бесит, что скоро тебя попросят на пенсию, а дело в тупике!

– Рома! – Леонид схватил Рому за горло. Тот попытался оторвать его руку, но не смог.

– Я вспомнила... – вдруг раздался женский голос за спиной Леонида, и он разжал пальцы.

Рома закашлялся и уперся руками в колени, чтобы отдышаться.

– Недавно к нам залезли в квартиру...

– Но ничего не взяли, так? Был взлом или вы ещё как-то поняли, что дома кто-то был, но кражи не было?

– Да... – мыльный взгляд женщины немного просиял, – Откуда вы...

– Когда это произошло?

– Где-то пару месяцев назад.

– Всё как всегда, всё как всегда... – задумчиво пробубнил Лёня, – Извини... – он похлопал Рому по плечу, но тот отбил руку.

– Отвали, псих!

– Больше ничего?

– Нет, больше ничего не припомню. Всё было нормально, хорошо даже и тут... – Господи, я никогда не думала, что такое может случиться со мной. Всегда же несчастья у кого-то там случаются или по телевизору. Он точно мёртвый? Мне показалось, он еле-еле дышит...

К Леониду подбежал опер и что-то шепнул на ухо, отчего глаза Леонида округлились.

– Рома, пойдём!

– Что там, что? Дышит, да? – встрепенулась мать и к ней тут же подскочили пару полицейских.

Нет, мальчик не дышал. Место преступления изучили, сфотографировали и принялись поднимать тело, разрушив то его бессильное изящество, но остановились кое-что заметив. Теперь ребёнок стал тряпичным.

– Вот, – указал молоденький опер на руку мальчика, – Сразу не заметили, потому что ладони все в грязи были утоплены. Левый мизинец ребёнка был отрезан.

– А вот это что-то новое... – протянул Леонид, – Теперь понятно, почему он оттащил его в кусты, а не как всегда просто прошёл мимо после укола. Ему нужно было ещё время, чтобы незаметно отрезать палец.

– Вокруг тела искали? – Рома тоже оживился, окончательно отойдя от короткого удушья.

– Да, осмотрели. Пальца нет.

– Забрал с собой. Это очевидно.

– Стал собирать трофеи? – задался вопросом Рома.

– Видимо. Но с чего вдруг? Это же дополнительный риск, трата времени, палец даже ребёнку за секунду не отрежешь.

– Что там, что? – разрывалась мать где-то позади, и голос её становился тише, её уводили всё дальше от сына.

– Ладно, ребята, забираем тело. Здесь закончили, поехали протоколировать! –скомандовал Леонид и все снова зашевелились.

Леонид с Ромой отошли в сторону. Какое-то время стояли рядом молча. Каждый чего-то ждал друг от друга. Наконец Рома развернулся и хотел было пойти к машине.

– Рома, стой! Ну, прости, прости меня. Я сегодня сам не свой – ты прав всё так жутко совпало, что... я немного поехал крышей будто. Ты же знаешь, я люблю, когда всё по плану и под контролем, а сегодня с самого утра всё наперекосяк!

Рома вернулся.

– Знаешь что, Лёня, дело не в сегодняшнем дне. В нём тоже, но мне кажется, ты просто помешался на этом деле. И я уже не знаю, что тобой движет на самом деле.

Леонид был на удивление спокоен.

– Рома, мне скоро сорок пять и сегодня я, наконец, стал отцом. Мы шли к этому много лет. Четыре выкидыша, операции... И вот сегодня... Я. Стал. Отцом! И тогда же в ту же минуту чуть не перестал им быть, потому что мой сын чуть не задохнулся. Я успел порадоваться рождению ребенка и почти начать горевать по нему. А потом я приехал сюда и...

– Я тебя предупреждал, что не стоит!

– ... и мне стало стыдно! Стыдно за то, что я про себя-то ликую, у меня радость за то, что я в эту самую секунду, когда вон та женщина не может дышать от горя, я, блять, счастлив, понимаешь? Мой ребеночек жив, он только-только начинает жить, а этого больше нет. Отчасти по моей вине...

– Нет!

– И, я не знаю, но у меня все смешалось, понимаешь? Чувства, мысли. Я тоже порой не понимаю, что мною движет, но с сегодняшнего дня я не смогу спокойно спать, оставлять семью, уходя на работу, спокойно гулять с ребёнком, зная, что по нашему городу ходит чудовище, которое хладнокровно закалывает детей! Закалывает, как какой-то скот! И если он это беспрепятственно творил десять лет до сегодняшнего дня, что ему мешает продолжать в том же духе ещё десять лет? Когда, например, уже мой сын начнёт также вот по таким вот убогим тропинкам ходить в школу?

– А это еще хуже, Лёня. Личный мотив...

– Да в жопу все эти мотивы! Мы просто должны его остановить и чем быстрее, тем лучше!

– Хорошо. Вот только нам этого не сделать без того, что тебя всегда выделяло на фоне других, что сделало тебя исключительным спецом – нечеловеческое самообладание и железная логика! Если ты их утратишь, делу это не поможет.

– Да, ты прав...

– Я не договорил, Лёня, – Рома потер шею, – Если ещё раз тебе снесет крышу и ты позволишь себе схватить меня за горло при коллегах, я, несмотря на нашу дружбу, напишу рапорт, в котором обстоятельно объясню руководству, почему тебе не стоит дальше вести это дело. Усёк? И не надо на меня смотреть волком – я сделаю это для твоего же блага. Перегоришь ты такими темпами, просто перегоришь и всё!

Леонид сдержал за зубами все слова. Сдержал в лице все эмоции и только кивнул, отведя полнящиеся злобой глаза.

6

Проведя весь день и ночь на работе, почти не спав, даже на какое-то время забыв о том, что он стал отцом, Леонид всё же пришел в себя к обеду и приехал в роддом в назначенное для посещений время. Несмотря на пограничное состояние, он не забыл все полагающиеся для таких посещений атрибуты – цветы, мятое лицо, нервические движения, глупые шутки.

Пустили почему-то не сразу, поморили прежде в коридоре. Время тянулось, на глаза давил сон.

– Можно! – вдруг услышал он чей-то голос, от которого вздрогнул и подпрыгнул, как кукла.

Она вышла из палаты и шла навстречу ему по коридору, пропахшем нарочитой химической свежестью, и несла ему какой-то белый сверток, который можно было счесть просто собранной в охапку простыней, если бы сверток периодически не подергивался. Он медленно двинулся ей навстречу, быстрее не мог – сердце и так уже колотилось, словно он только что пробежал марафон. За метр друг от друга они отчего-то остановились. На полу, как демаркационная линия их разделял серый межплиточный шов. Но, конечно, они этого не подметили. Они смотрели в глаза друг другу и улыбались, как умалишённые. Наконец, Леонид осмелился опустить взгляд на то, что держала в руках Алина, на нечто, что она хотела ему преподнести, как высший дар. Леонид окаменел. Линию переступила Алина. Приятно пахло грудным молоком.

– Привет.

Леонид не мог говорить. Розоватый, сморщенный малыш мирно дремал, вытянув губы, только что оторванные от груди.

– Посмотри, мне кажется, он сейчас похож на твоего отца, – улыбнулась она, – Помнишь ту старую черно-белую фотографию, где он маленький спит?

И Леонид зарыдал.

Таким его Алина еще никогда не видела. Выглядело это для нее настолько трогательно, насколько нелепо и тревожно. Словно грозная, холодная, но не преступная монолитная дамба, за которой ты был в безопасности ежесекундно без и малейших сомнений – дала крохотную течь, кривую трещину. Но как спать теперь, зная, что за одной трещинкой может потянуться паутина других, которые в любой момент сложатся в необратимое разрушение и неодолимый поток в мгновение всё снесёт и смешает в гниющее месиво.

Однако Леонид скоро встрепенулся, протер глаза, шлепнул себя по щеке, выдал тут же бодрый смешок и прицельно сверкнул своими глазами ей в глаза так, что изгнал ее страх почти далеко.

– Извини. Тяжелые дни. Нервы сдают. «Я так люблю вас!» – сказал он честно, и премило обнял их, целиком спрятав всех во всеохватных объятьях.

– Ну, дай же мне его, наконец, подержать!

И она, конечно, дала. Помедлив в сомнении всего лишь долю секунды. Незаметно даже для себя.

7

Весь путь домой Гриша – так назвали сына, проспал на руках у матери, укаченный плавным ходом автомобиля. Леонид вёл предельно аккуратно, прямо как водитель сокрой помощи, на которого он за это и обрушился.

Чтобы не будить малыша, они обошлись беседой на языке взглядов с помощью зеркала: «Ничего себе, ты даже взял отгул?» – издевалась она.

«Да, представляешь? И на целый день. И даже на ночь – до самого утра!»

Посмеялась уголками глаз.

Домой заходили, как воры, крадучись. Лёня шёл первым, предвкушая Алинину реакцию на приготовленный им сюрприз. Но не успели они войти в коридор, как в нос им ударила жуткая помесь из сладкого цветочного аромата весенних цветов и не менее сладкого запаха гнили.

Гриша проснулся, туту же исторгнул плач.

Включили свет. Квартира была заставлена тюльпанами всех сортов и оттенков. И всех их уже коснулось увядание, а иные так и вовсе почти сгнили.

– Что за дерьмо?

Леонид кинулся к одной вазе. Потом другой – в спальне и на кухне одно тоже. Все цветы умерли или полусдохли. Тогда Лёня почувствовал, что на минуту его спина покрылась потом – в квартире было адски жарко. Ребенок кричал на одной ноте, не переставая. Он готов был уже схватить одну из ваз с десятками бутонов и швырнуть её о стену, но вдруг задул сквозняк. Гриша умолк. И в тишине послышался Алинин тихий, родниковый смешок.

Леонид вернулся с кухни в зал. Алина открыла окно на распашку, малыш был в кроватке. В её руках – пульт от кондиционера.

– Нет, я, конечно, понимаю, что май в этом году выдался холодным, но зачем же в квартире тропики наводить?

Она снова засмеялась, теперь выразительней и смелее. Леонида отпустило.

– Чёрт возьми... Алина, прости.. простите меня, я как лучше хотел. Отопление выключили, а в квартире дубак, я включил с утра, чтоб прогрелась квартира к вашему приезду, а потом Рома позвонил, я поднял кое-какие бумаги, заработался и забыл... Боже мой, как же можно было так налажать! Это от жары?

– Конечно, от жары. А кто выживет в таком пекле?

– Твою мать!

– Лёня!

– Прости...

– Кажется, ты права, я только на работе человек, а дома ни на что не годен.

– Лёня, да успокойся ты уже, всё нормально! Это даже экстравагантно, что ли. Такая декадентская выходка. Ты, наверное ещё и в тёплую воду поставил?

– Конечно! В кипятке. Говорю же, в квартире морозильник уже с неделю.

Алина засмеялась в голос.

– Дорогой, ты сделал, всё, чтобы они сдохли, как можно скорее!

Леонид подхватил её настрой и тоже расхохотался – кажется впервой за насколько месяцев.

Истратив все запасы смеха на сегодня, они обнялись.

– Дурной знак... – прошептал Леонид.

– С каких это пор ты веришь в знаки? – удивилась супруга.

– Не знаю. Просто неприятно как-то.

– Ой, не бери в голову! Но вынести на мусорку их стоит – запах у нас стоит так себе.

– Лучше бы шариков купил! Они не гниют... – бурчал Леонид, собирая в охапку цветы, а Алина всё хихикала, разбирая подаренные детские вещи – и было ей среди этих гнилостных цветочных миазмов всё равно тепло и приятно.

8

На следующий день коллеги на работе тоже устроили Леониду сюрприз. Пришли раньше него, что не так-то просто сделать, если ты не на ночном дежурстве. Развесили шары, оформили как могли ватман с поздравлениями – по-мужски коряво и примитивно, но от того искренне и смешно. Приобрели весь инфантильный набор – колпаки и гуделки, хлопушки. Шампанского, вместо водки и подарки для ребенка.

Естественно, Леонид не ждал. И вздрогнул, зайдя в кабинет, и как полагается, испугался. Но за обыкновенным испугом не пришел как обычно трогательный восторг, смех, слова благодарности.

– Вы, что, ополоумели что ли? У нас труп ребенка с отрезанным пальцем, а вы тут балаган устраиваете! А это что? – он схватил бутылку с шампанским, – Вы же знаете, я не пью! Тем более на рабочем месте. Совсем охренели уже!

– Лёня, ты чего? Такое ж дело...

– Дело? Вот дело, – Леня взял со стола кипу бумаг, – И мы его мусолим уже пол жизни! Об этом и только об этом вы должны думать в этих стенах. Всю вот эту вот хрень устраиваете ещё где-нибудь, а не здесь, когда на вас со стены десятков детских трупов смотрит! – гаркнул он, указав на фотографии с мет преступлений, прикрепленные к его рабочей доске.

Никто ничего не ответил. Все тихо разбрелись по рабочим местам.

– Ты не прав, Лёня. Мы как лучше хотели. Такими темпами у тебя скоро кроме вот этого стола, стула и кипы бумаг ничего не останется, – высказал Рома, когда вышел последний.

– Не страшно.

– Ошибаешься.

Рома ушел вслед за коллегами из собственного кабинета и до вечера туда не возвращался, предпочтя поработать в поле.

Леонид выпустил шары, наполненные гелием, в окно в свободный полет. Напитки запер в сейф. Подарки распаковал – куча детских вещичек и все как назло бледно-голубого цвета вточь, как пуповина, душившая его сына.

По пути домой он сделал крюк и отвез всю одежду в детский дом.

9

Космически чёрный, нестерпимо горький кофе обжег кончик его языка, но Леонид не заметил боли. Она была, но он просто не успел обратить на неё внимание и пропустил мимо, словно, отвлёкшись, просмотрел пару малозначительных кадров какого-то фильма. За последние пару недель Леонид героически выпил столько этой смолы, что язык давно превратился в сплошной волдырь, а депривация сна стала для организма не только нормой, но даже чем-то желанным.

– Так, Рома, давай ещё раз проговорим, что мы имеем?

Рома потянулся в кресле, выходя из неги лёгкой поверхностной дрёмы.

– Лёня... ну, сколько можно повторять-то? Честное слово, я чувствую себя уже каким-то студентом перед сессией.

– Очень смешно. Нужно, нужно всё прогонять по несколько раз. Может, мы что-то пропустили, что-то очевидное, но между строк. Тем более у нас уже замылен взгляд, понимаешь?

– Замылен? Да у меня скоро глаза вывалятся из орбит! Мы перечитали с тобой трижды все тома дела, пересмотрели столько материалов, что они мне снятся уже. Ах, нет, ещё не успели присниться – я же разучился спать!

– Почерк един и отточен, но связующим звеном являются не жертвы, верно? – продолжал Леонид, будто вовсе не слыша напарника, – Только их возраст и метод, и орудие убийства. Дети, подростки, один удар в сердце мизерикордом и всё. Связей между детьми нет...

– Я понял, тебе бесполезно что-то говорить. Хорошо, давай повторим, дай бог мне терпения! – Рома поднялся из кресла-кровати, налил себе тоже чёрной жижи в немытую кружку и подошел к одной из пяти пробковых досок, висевший у них в кабинете – ту, на которой были фотографии всех жертв, – Да, связей нет. Дети и их семьи знакомств не имели, жили в разных районах города и области. Достаток у всех разный, но примерно одинаково средний. Что ещё?

– Ничего.

– Ты не находишь, что он действует не как маньяк, а как киллер. У всех маньяков так или иначе присутствует насилие, имеются ритуалы какая-то система, и она плюс-минус у всех одинакова, есть вариации, но в целом, а здесь... Здесь тоже система, но совершенно другая, не маньяческая.

– Да, есть такое. Об этом всё говорит – он убивает в разных местах, разных детей, казалось бы, полный хаос, но...

– Но он по уму всегда делает это на улице, чтобы не оставлять никакой своей биологии. И главное – убивает максимально быстро и так сказать гуманно. Видно, что для него это важно, – Леонид начал расхаживать по кабинету, – Важно, не причинить боли. Как будто бы цель – само убийство, как устранение конкретного человека, а не насилие, не власть, не получение от этого удовольствия.

– Да, это явно.

– Вот я и говорю, что он действуют, как наемный убийца, сечёшь?

– Но кому может понадобиться заказывать детей? Тем более, Лёня, три жертвы назад... три года назад, прости, мы эту версию уже отработали. Мы проверили семьи вдоль и поперёк до третьего колена и родственников их, и друзей, и друзей друзей! Ни у кого не было и намёка на какие-то связи с властью, органами и прочей хренью, никто не был связан с криминалом, чтобы можно было, убив детей, попытаться воздействовать на членов семьи или им отомстить. Ничего такого не было ни у кого.

– Да, я помню. И всё же. Поражает его методичность.

– Лёня, мы с тобой талдычим об этом уже десять лет – у меня уже за это время успела обвиснуть жопа, и член почти перестал работать, что не особенно продвинуло нас в деле. Лёня,

что ты пытаешься найти в этой зубрёжке? Слова, даже если их повторить сто раз, как заклинание, не помогают!

– Помогают, ещё как слова помогают. Слова – это почти что мысли. Разгадаем его мысли и сможем взлезть в его шкуру, а значит появится возможность просчитать его следующий шаг. Вот, что я ищу, Рома – логику. Его логику. Его систему. Она необычна, но когда мы до неё дойдем, я уверяю тебя, круг сузится. Значительно сузится. Потому что тут что-то частное, может, личное даже, он не маньяк... ну по крайней мере далеко не стандартный маньяк. Тут что-то другое...

– А что если её нет? Этой логики. Знаешь, у психопатов такое бывает.

– Не бывает. Любой психопат тебе такое распишет, почему он убивал! Вплоть до мельчайших деталей. И да, это будет звучать бредево. Но только для нас, для нашего образа мышления, но не для него. Для него – это нормальная логика, просто не признанная большинством. И знаешь, в этом есть своя правда – просто иногда нужно попытаться выйти за пределы, шагнуть в сторону с проторенной дорожки, чтобы понять тех, кто свалил куда-то вбок с тропинки мироздания навсегда!

– Ты меня пугаешь, но, кажется, я тебя начал понимать. И, пожалуй, ты прав. Ладно, давай ещё раз всё изучим.

Леонид снова обратился к фотографиям. Снял одну. Там девочка лет десяти – такая же открытая поза, распахнутые глаза – и в этом случае она буквально не успела моргнуть, как лезвие кинжала пробило ей сердце, и оно остановилось.

– Марина, десять лет. Убита по пути с танцев домой, просто за углом одного из домов. Она заворачивает, он её там ждёт, один удар и всё.

– Да.

Леонид снял ещё фото.

– А вот Максим, одиннадцать лет. Убит в толпе на Дворцовой, на празднике в честь дня города.

– Ну, в толпе с его способностями ему ещё проще орудовать.

– Мальчик был один. Без родителей и в этот момент почему-то без друзей. Вероятно, ненадолго они растерялись.

– Да, дети всегда были одни. Значит, волновало не семейство, а именно вот ребёнок!

– Точно. Которого, повторюсь, ему не нужно насилловать, мучить, красть, а просто убить, как по заказу...

– Да, и мы снова возвращаемся к твоей бредовой версии заказных убийств детей! Мочало-мочало начинай всё сначала.

– Нет у меня такой версии. Вернее, я против неё, но логика, понимаешь, сама логика его поведения подводит к таким выводам. Ладно, давай по-другому зайдем. У меня есть несколько базовых вопросов, и ты сейчас мне на них ответишь, исходя из всех имеющихся у нас фактов, но отвечать будешь не как следователь...

– А как кто?

– Как Кинжальщик!

– Отвали!

– Рома, брось, что в этом такого?

– Мне эти все твои новомодные методы не по душе!

– Этим методам сто лет в обед.

– Давай ты тогда?

– Я не могу.

– Почему это?

– Потому что вопросы мои. Когда ты придумываешь вопрос, ты подсознательно для себя и формулируешь какой-то свой ответ на него, чтобы быть готовым, схватил? А нам нужно свежее мнение.

– Начинай. Но уверяю тебя, все эти вопросы я знаю заранее и тоже ими давно задаюсь. Так что свежести в моих ответах будет, как в сорокалетней проститутки.

– Не манди! Итак, почему дети, подростки максимум?

– Ну, самое простое – мне их проще всего убить. Они слабые. Я, судя по всему, крупный мужик. С хорошо заточенным кинжалом и с твердой рукой дело займёт несколько секунд. А попробуй проткнуть грудь взрослому человеку, даже будучи спецом!

– Согласен. Что еще?

– Это мы тоже уже проходили, но я повторю, – Рома вздернул брови в деланном недовольстве, – У меня фиксация на какой-то подростковой травме, на самом этом возрасте, может меня в нём насильовал отец или мать или все они вместе, пригласив ещё дядю в довесок! В конце концов, меня просто бесят подростки. Самое банальное – дети примерно такого же возраста его гнобили когда-то в школе. Что похоже на правду, сам знаешь, подростки бывают безумно жестоки. Но...

– Но разброс возрастной всё же небольшой и значительный для этой категории одновременно – 7—12 лет, это ж огромная разница.

– Это верно, – подхватил Рома, – Хорошенький малыш первоклашка разительно отличается от маленького злобного чудовища в начале пубертата в средней школе!

– Рома, боже мой! Я надеюсь, в тебе сейчас говорит Кинжальщик? Или ты и вправду ненавидишь подростков?

– Недолюбливаю, это точно. Но не настолько, чтобы...

– Остановись! Продолжим. Значит, сам возраст тут скорее всего всё-таки не при чём. Притормозим на твоём первом варианте – их проще убивать. Далее, почему кинжал?

– Тут мы с тобой всё перемусолили, Лёня, и ещё куча специалистов, ответ один – быстро, надежно, безболезненно. Если знать, как.

– Но почему тебе так важно, чтобы им не было больно, чтобы они умерли, не мучаясь?

– Да потому что мне этого не надо! У меня нет цели издеваться над ними и доминировать, у меня другая цель...

– Какая?

– Я... я не знаю. Чтобы их больше не было. Вот этих конкретных детей.

– Так. И это частично ответ на мой следующий вопрос – почему такая периодичность плюс-минус год?

– Потому что примерно раз в год у меня возникает такая потребность – устранять этих детей.

– Вот видишь, и ты пришёл к этой терминологии – устранять! Понимаешь теперь?

– Да. Немного...

Глаза Леонида горели, он вошел в явный азарт.

– А сейчас внимание! Один из самых загадочных и сложных вопросов: для чего ты за несколько месяцев или недель до убийства проникаешь домой к будущим жертвам, проводишь, вероятно, там какое-то время, но ничего, абсолютно ничего не крадешь и по возможности стараешься не оставлять следов? Однако вещи всё же были тронуты и да, особенно много всего ты изучил в детской комнате. Так что ты там делаешь? – Леонид почти кричал на Рому, как при допросе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.